

Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

А. И. Бобков

**МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ
ДЛЯ АДЬЮНКТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»**

Учебно-методическое пособие

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2022

УДК 1(091)
ББК 87.3
Б72

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. С. Л. Иващевский;
канд. психол. наук, доцент Н. Ю. Галкина.

Бобков, Александр Иванович.

Б72 Методика подготовки к семинарским занятиям для адъюнктов по дисциплине «История и философия науки»: учебно-методическое пособие / А. И. Бобков. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. – 32 с.

В учебно-методическом пособии содержатся методические и познавательные рекомендации для молодого специалиста-исследователя, помогающие самоактуализации его исследовательского мышления в контексте научного творчества. Также пособие содержит ключевые проблемы и понятия дисциплины.

Пособие предназначено для адъюнктов и научно-педагогического состава образовательных организаций МВД России при подготовке к семинарским занятиям очной и заочной форм обучения по дисциплине «История и философия науки».

УДК 1(091)
ББК 87.3

© Бобков А. И., 2022

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ	
К СЕМИНАРСКОМУ ЗАНЯТИЮ ПО ДИСЦИПЛИНЕ	
«ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»	8
РАЗДЕЛ 2. ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ.....	20
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	24
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	25
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	26
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	28

ВВЕДЕНИЕ

Живая мысль делает человека бодрее, здоровее, одновременно и сильнее, и мягче, менее замкнутым, более простым и откровенным, так что радость живой мысли распространяется как бы по всему телу и даже затрагивает какие-то бессознательные глубины психики. Живая мысль сильнее всего и красивее всего, от нее делается теплее на душе, а жизненное дело становится эффективнее и легче, сильнее и скромнее.

А. Ф. Лосев [8, с. 8]

Современное общество развивается стремительно во многом благодаря научным открытиям, научным и технологическим революциям. Количество ученых и научных публикаций в мире растет в геометрической прогрессии. Однако в России тенденция во многих моментах имеет обратную сторону. Более того, и в мире, и в России намечается тенденция к симуляции или имитации научной деятельности. Это не только лженаука, с которой борется, например, комиссия при Российской академии наук, сколько квазинаука с ее почти неразличимым сходством с подлинной наукой. Их различие требует пристального внимания не только со стороны признанного научного сообщества, но и в первую очередь со стороны молодых ученых, только начинающих свой путь в науке. Именно от того, насколько глубокое различие между симуляцией и подлинностью исследовательского мышления и деятельности будет обнаружено в начале исследовательского пути, будет зависеть становление личности молодого ученого, его научной продуктивности и возможности к созданию собственной научной школы.

Решению поставленной выше проблемы посвящают свою деятельность такие науки и дисциплины, как «Социология науки», «Этика науки», «Теория и методология науки», но все они, так же, как узкопрофильные направления, вырастающие из них, например, «Социология юридической науки», обретают мыслительный фундамент в сравнительно молодом, но одновременно и очень старом, разделе философского мировоззрения, которое в дисциплинарном выражении носит название «История и философия науки».

Данный предмет был введен в подготовку научно-педагогических и научно-исследовательских кадров совсем недавно. Раньше (до 2005 года)

молодые ученые сдавали кандидатский экзамен по дисциплине «Философия». Однако война квазиученых с философами ведется уже давно. И промежуточным результатом стала данная дисциплина.

Уйдет ли философия совсем из программы подготовки научных кадров? Вопрос очень спорный, однако если озадачить себя подборкой высказываний великих исследователей о философии, то на лицо заблуждение тех, кто стоит за уход философии из науки. Более того, окажется, что философский анализ научной деятельности и мышления ведет науку не в сторону догматизации, как кажется многим, поверхностно изучающим философию ученым или квазиученым, а в сторону обнаружения новых связей и моделей развития науки. Более того, водоразделы мысли, возводимые философией, и для науки в том числе, дают человеку возможность заглянуть за горизонт, помыслить немыслимое, начать говорить «о вещах, которых еще нет».

Вот высказывание математика, философа и Нобелевского лауреата Б. Рассела, о том, почему философию не жалует наука и теология: «Все точное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия» [12, с. 7].

Осознание того, что знание и понимание также являются не столь совпадающими явлениями познавательного процесса, приведет нас к утверждению того, что, взяв за образец так называемые точные науки, мы не в состоянии будем разобраться в том, что происходит с человеком и обществом. Однако если мы примем также с упоением применять исторические сведения о математической науке в математике, то в один прекрасный момент поймем ненужность их в данном сообществе. Поэтому и здесь философия науки приходит на выручку, утверждая в качестве идеала познавательной деятельности только чистое исследовательское мышление социально-гуманитарного или естественно-научного свойства. При этом данный идеал во многом будет вырабатываться исследователем самостоятельно в силу невозможности иного способа его выработки. Иначе говоря, философия науки заставляет научиться тому, чтобы, перефразируя высказывание К. С. Станиславского, любить науку в себе, а не себя в науке.

Еще одним важнейшим аспектом данной дисциплины выступает ее историческая составляющая. Только и здесь история и философия науки не идут привычным путем. Здесь историческая наука сама становится объектом критического философского мышления. В контексте данной дисциплины возникают два мощных начала в понимании пользы и вреда истории науки для нее самой.

Первым началом является то, что взгляд философии на историю совсем иной, нежели чистой исторической науки. Историческая наука в основном

сосредоточена на истории политических событий, а история науки относится к социальной истории, зависящей как раз от того, в какой образ науки верит общество на том или другом этапе своего существования и какие идеи на данном этапе являются господствующими, а какие ждут своего часа. Далее историю науки волнует изменение повседневности ученого и научного сообщества. Здесь необходимо постоянно помнить о той позиции, которую очень точно, на наш взгляд, выразил Б. Рассел, утверждавший, что понимание эпохи или нации невозможно без исполнения роли философа. Вот как он объясняет данную необходимость: «Чтобы понять эпоху или нацию, мы должны понять ее философию, а чтобы понять ее философию, мы должны сами в некоторой степени быть философами. Здесь налицо взаимная обусловленность: обстоятельства жизни людей во многом определяют их философию, но и наоборот, их философия во многом определяет эти обстоятельства» [12, с. 8].

Понимание эпохи является показателем не только высокой культуры мышления, но и зрелости научного разума. Такое понимание дает нам возможность установить тот факт, что универсальные требования эпоса науки встречались в любую эпоху, даже в эпоху идеологической или теологической зависимости философии и науки. Более того, это понимание даст наконец ответ на вопрос, что упускает исследователь в повседневности, чтобы не казаться ученым, а быть им; чтобы не оказаться в положении героев картины Питера Брейгеля Старшего «Слепые».

Второй принцип необходимый для осознания того, что «История и философия науки» – это навсегда, – это принцип необходимости учитывать при изучении истории мысли, а именно избавление от рабства навязанных схем восприятия мышления того или иного мыслителя. Как справедливо отмечает Ф. И. Гиренок, «историк производит симулякры, которые, как ракушки,

налипают на интеллигibleльное тело философии и мучают его, паразитируя на нем, расширяя симулятивные пустоты культуры. Историкам философии не нужна больше философия. Им нужны детали, обстановка. Им надоело быть посредниками и проводниками к истине, причиной которой они не являются. Они хотят быть поверенными истины, ее творцами. Сообщение о философии они сделали философией. Но пусть они не мешают тем, кто черпает из источников самого разума. Пусть они, как говорил Кант, подождут, пока мы делаем свое дело, чтобы потом возвестить миру о случившемся. Историк – страж культуры, а философия – занятие антикультурное. Историки, презрев необходимость искать пределы мысли, взяли реванш, навеяв золотой сон культуры на неискушенные умы» [3, с. 17–18].

Это понимание того, что написанная с позиции знания, а не мышления история философии губит философию, можно расширить или сузить до науки. Можно сказать, что история науки также может погубить научное мышление, если будет заниматься только возвещением истины, а не ее поиском.

В заключение данного предисловия следует заметить, что позиция молодого исследователя в науке и мышлении зависит только от него самого. И от того, как он будет учиться в школе мысли, зависит, станет ли он сам настоящим ученым или чиновником от науки. Остается ответить на вопрос, где она эта школа мысли? Ответ на этот вопрос мы дадим, опираясь на высказывание А. Ф. Лосева, утверждавшего, что «История философии – вот море мысли» [8, с. 10]. Немного перефразировав его, мы скажем: «История и философия науки – вот школа подлинной научной мысли».

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКОМУ ЗАНЯТИЮ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

1. В чем ценность «Истории и философии науки»?

Ценность философии – в пробуждении творческого, конструктивного осмыслиния человеком самого себя, мира, общественной практики и истоков общественного продвижения в будущее, в «потрясении» сознания. Потрясение – пролог к пробуждению движения, к самостоятельной духовной жизни личности, ее самосознания.

Ценность «Истории и философии науки» не отличается от ценности философии, но у нее есть и своя специфика. В чем же состоит данная специфика?

Начнем полагаться на то, что специфика философии науки состоит в тех же ответах на вечные вопросы философии, только с поправкой на науку. В связи с этим следует обратить внимание на то, что по мнению И. Канта: «Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?» [6, с. 332].

Если осуществить поправку на философию науки, то эти вопросы будут звучать следующим образом:

1. Что я могу знать о науке и об объекте науки?
2. Что я должен делать в науке и для науки?
3. На что я смею надеяться в науке?
4. Что такое человек в науке и человек науки?

Задавая вопросы, следует не торопиться искать ответы на них. Эти вопросы должны оставаться с человеком на всю жизнь, иначе от их постановки не будет никакого толку, как и вообще от постановки вопросов о смысле философии.

При этом нам не следует забывать о том, что философия науки возвращает ей то, что наука утрачивает в условиях повседневности, – веру в саму себя. Она начинается там, где наука себя, казалось бы, исчерпала. Философия заражает науку философской верой. Каждый ученый, если он посвятил свою жизнь науке, а не ее симуляции, должен понимать, что основу науки составляет философская вера, поскольку философская вера «должна в исторической ситуации все время обращаться к истокам. Она не обретает покой в пребывании. Она остается решимостью радикальной открытости. Она не может ссылаться на самое себя как на веру в окончательной инстанции. Она должна явить себя в мышлении и обосновании. Уже в пафосе безоговорочного утверждения, которое звучит как возвещение, нам угрожает утрата философичности» [15, с. 425].

Другой стороной ценности философии науки выступает тот факт, что именно философия порождает понимание того, что у любой науки есть конец, и она, философия, дает начало новой науке. С этим трудно смириться, но это именно так. Трудно не согласиться с А. Бадью, обронившим как-то фразу о том,

что «Мы можем сказать, что новая философия требуется для прояснения новой науки и помохи при её рождении» [1, с. 9–10].

При этом не следует забывать и то, что философия, в свою очередь, зависит от науки, ибо та, утверждаясь в качестве нового знания, дает философии состояться. Создает для нее условия в ответ на созданные философией условия для нее. И в этом она не одинока. Тот же Ален Бадью очень красиво обозначил это отношение науки, и не только, к философии в следующем высказывании: «Я, в свою очередь, совершенно согласен с тем, что философия зависит от определенных нефилософских областей, и я назвал их «условиями» философии. Я хотел бы просто напомнить, что не ограничиваю условия философии становлением науки. Я предлагаю более широкий список условий, относящихся к четырем разным типам - к науке, но также политике, искусству и любви» [1, с.10–11].

Подытоживая наши рассуждения о ценности «Истории и философии науки», скажем следующее: «История и философия науки есть испытание зрелости ума молодого ученого и его способности нести ответственность за свою научную деятельность перед обществом и культурой. Она есть проверка личности исследователя на возможность следовать принципам этики научного сообщества и этики научного исследования».

Это высказывание вытекает из определения предмета «Истории и философии науки», предложенного академиком В. С. Степиным, полагавшим, что «Предметом философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте. Современная философия науки рассматривает научное познание как социокультурный феномен. И одной из важных ее задач является исследование того, как исторически меняются способы формирования нового научного знания и каковы механизмы воздействия социокультурных факторов на этот процесс» [13, с. 8].

2. Методика подготовки к семинарскому занятию по дисциплине «История и философия науки»

При подготовке к семинарскому занятию по дисциплине «История и философия науки» необходимо учесть следующие аспекты. Во-первых, необходимо в первую очередь уйти от многих стереотипов восприятия данной дисциплины в контексте исследовательского труда адъюнкта. Во-вторых, учесть тот факт, что история и философия науки занимается не историей знания, а историей познания и мышления, опрокинутой в настоящее и будущее. В-третьих, на семинарском занятии по истории и философии науки должны превалировать основные черты научного поиска, указанные Р. Мertonом, заключающиеся в том, что «Этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм» [9, с. 770]. В-четвертых, при подготовке к семинарскому занятию необходимо учитывать свои научные интересы и

стараться соотнести эти интересы с проблемами философского умозрения и исторической ретроспекции науки вообще. В-пятых, необходимо помнить о том, что в истории и философии науки присутствуют сразу три языка: язык обыденный, язык научный и язык философский. Поэтому необходимо учитывать переход с одного языка на другой при решении проблемных задач семинара.

Теперь остановимся более подробно на каждом из аспектов подготовки к семинарскому занятию. Начнем с первого аспекта, который нами обозначен как **«Ликвидация стереотипов»**. Как известно, в психологии существуют два типа стереотипов: автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы являются стереотипами восприятия себя в преподавательской, методической и исследовательской деятельности, а гетеростереотипы являются стереотипами восприятия других в этих же видах деятельности.

Если речь идет об автостереотипах, то в данном случае может возникнуть как иллюзорное ощущение того, что ты являешься самым талантливым преподавателем, исследователем и методистом в области изучаемой дисциплины, так и иллюзия самоуничтожения, отсутствия собственного «Я», так называемая *«выученная беспомощность»*.

И первая, и вторая иллюзия опасны в силу того, что первая порождает самоуверенность и неумение критически осмысливать собственные мышление и деятельность, а вторая рождает желание постоянно подражать, а не изобретать. Как видим, и та, и другая ситуации не являются перспективными.

В связи с этим необходимо отказаться от некоторых предубеждений в отношении себя и изучаемой дисциплины. Во-первых, необходимо постоянно проводить работу над тем, чтобы четко различать в своем мышлении чужое и свое. Точнее, отвечать на знаменитый вопрос М. Хайдеггера «Где мы мыслим сами, а где за нас это делают другие?». Если нас самих в мышлении слишком много, то значит ли это, что мы действительно приближаемся к истине. Если же мы постоянно сталкиваемся с тем, что боимся высказать мысль, полагая, что это уже было, то не значит ли это, что нашего мышления просто нет и лучше заняться чем-нибудь иным?

Ситуация, в коей оказываемся мы в отношении изучения философии, описана В. В. Бибихиным в контексте выявления сути философии М. Хайдеггера. Рассуждая о начале мышления как своего, он замечает: «Сделано уже почти все, о чем задумывались в самых смелых проектах, – и уже почти все в мире, который устроило себе и который так не устраивает современное человечество, сделано в смысле поделки и подделки. Не «что делать?», а «как начать думать?» – спрашивает Хайдеггер. Бытие неподдельно – или его вообще нет. В допущении его – опережающее всякую деятельность дело мысли» [15, с. 9].

Гетеростереотипы в данном случае играют иную роль. В данном случае философское сообщество в восприятии молодого ученого выступает как исторический плеоназм, мешающий науке развиваться. Точнее, исследовательская практика, коей начинает заниматься молодой исследователь, стремится к тому, чтобы делать, а не чтобы мыслить. Практика ведь полагалась критерием истины, но она же может очень далеко увести от истины. Поэтому

знание о том, что есть истина, выступает самым сложнейшим знанием и самым неблагодарным. Поэтому гетеростереотип того, что философия занимается ненужными вещами, во многом вызван тем, что познающий субъект еще не приступал к мышлению вообще или престал мыслить уже.

Кроме того, в отношении стереотипного поведения на семинарском занятии необходимо сказать еще и о том, что дословно семинар с латинского переводится, как «рассадник». Семинар – это не урок, не допрос преподавателя. Семинар – это свободное общение по предложенной теме. Поэтому в рамках семинарского занятия необходимо сменить роль ученика, ускользающего от надзора преподавателя, на роль *исследователя, мыслителя или коллеги-преподавателя*.

Если вы *исследователь*, то сосредоточьтесь на решении проблемы в истории и философии науки, которая в контексте предложенной темы еще не решалась, старайтесь искать под не под фонарем, а во тьме. Ставьте задачи и предлагайте решения, критикуйте привычные схемы, ищите в них слабые места.

Если вы *мыслитель*, то старайтесь на основе метафизики или диалектики, герменевтики или реконструкции восстановить и сам ход научной мысли и предположить самое безумное, а именно бессмысленность философских картин науки, нарисованных до вас. Покажите их тупиковый характер. Найдите место мысли там, где наука ей в этом месте отказалась.

Если же вы *преподаватель*, то постарайтесь вызвать у ваших коллег непосредственный интерес к проблеме, обсуждаемой на семинаре, желание продлить изучение данной проблемы после. Для этого посмотрите, например, видео, как ведут занятия преподаватели философии других вузов или вашего вуза. Найдите свой стиль преподавания. Постарайтесь из всего массива сведений по проблеме, обсуждаемой на семинаре, выбрать то, что можно преподать, и то, что преподать нельзя. Такой подход также немаловажен в силу того, что не всякое исследовательское или философское знание можно преподать. Необходимо выбрать то, что в той или иной ситуации действительно натолкнет исследователя на новые горизонты, позволит убедить авторитетного ученого в его заблуждении или убедить предубежденных субъектов в том, что его деятельность имеет смысл.

Второй аспект подготовки к семинарскому занятию по «Истории и философии науки» можно назвать **«Самоактуализация философского познания в антифилософской среде»**. Здесь необходимо помнить о том, что время для философии науки всегда, кажется, либо уже прошедшим, либо еще не наступившим. Предполагается, что времени и места в науке для философии нет. Ее абстрактные схемы вообще влекут не туда.

Философия ставит вопросы о смысле научной деятельности, об отличии исследовательской от управлеченческой, преподавательской или практической деятельности. У нее ситуация меняется в силу того, что она начинается не с того, с чего начинается наука. Философия начинается с непонимания того, что наука провозгласила понятым, определенным или открытым. В философии важно удивление тому, что, несмотря на то, что наука открыла, есть еще и то, что существует вопреки ее открытиям. Здесь уместно привести высказывание

Г. П. Щедровицкого, полагавшего, что, «опираясь на науку, вы никогда не сможете с ее помощью учитывать вариации ситуаций. Вы никогда не сможете предсказывать, как эти ситуации будут меняться и трансформироваться, поскольку наука с самого начала во всех ситуациях искала одинаковое, инвариантное, неизменное» [16].

В контексте ситуации подготовки к семинарскому занятию по философии необходимо всегда соотносить научное знание и философское познание. При этом помнить о том, что научное знание устаревает гораздо быстрее, чем кажется, а философское познание всегда вновь возрождается. Поэтому необходимо всегда понимать то, что на любую научную революцию, совершенную недавно, есть философская реакция, совершенная сейчас. *Поэтому в процессе подготовки к семинару необходимо предсказывать, какая научная революция уже находится на стадии совершения и какой смысл она приобретет в контексте гносеологической реакции философии.*

Третий аспект подготовки к семинарскому занятию по истории и философии науки можно обозначить как **«Напоминание о научном этосе»**. Этос науки – это принципы, позволяющие при следовании им организовать свою деятельность более продуктивно и, самое главное, понять, что научная деятельность подобна игре, ведущейся по строгим правилам. Поэтому эти правила-нормы, изложенные компактно Р. Мертоном, помогут избежать нежелательных фрустраций интеллектуальной деятельности в рамках уже не раз испытанного квазиинтеллектуального воздействия на личность обучающегося.

Например, *принцип универсализма*. С одной стороны, трудно не согласиться с высказыванием Р. Мертона о том, что «универсализм находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям: должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием. Согласие или отказ внести эти притязания в анналы науки не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника; его раса, национальность, религия, класс и личные качества сами по себе нерелевантны. Объективность исключает партикуляризм» [9, с. 770–771]. С другой же стороны, философия во многом партикуляристична, а социально-гуманитарное знание – тем более, ибо зависит от состояния той социокультурной системы, в рамках которой действует исследователь. Поэтому принцип универсализма заключается не в том, чтобы отвергать идеи чужаков социокультурного поля деятельности исследователя, а в поиске возможности на основании самобытности научного сообщества доказать наличие универсализма в партикуляризме и партикуляризма в универсализме. Это и есть задача философии науки. Уметь видеть достоинства и недостатки своего социокультурного научного сообщества с позиции задач науки вообще и есть наиболее важное умение ученого. Более того, умение эти недостатки исправить, а эти достоинства превратить в достояние человечества во многом поможет избавиться от западоцентризма в науке как наиболее искусной подделки под универсализм.

Вторым принципом научного ethosа может быть назван принцип **коммунизма**. Данный принцип в контексте подготовки к семинару по философии науки должен выглядеть так, чтобы было презентировано понимание того, что наука, с одной стороны, выступает коллективным трудом, а с другой стороны, личное участие ученого в том или ином открытии не является возможностью поклоняться ему как авторитету, не вызывающему критики. Здесь уместно опираться на высказывание того же Р. Мертона, пояснявшего: «Фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена. Закон или теория, носящие чье-либо имя, не входят в исключительную собственность первооткрывателя и его наследников, равно как нравы не наделяют их особыми правами пользоваться и распоряжаться ими. Право собственности в науке сводится рациональными основаниями научной этики к самому минимуму» [9, с. 775].

Принцип коммунизма ведет к тому, что механизмы социального признания в большинстве случаев в науке могут запаздывать, а в рамках философского анализа состояния проблем необходимо выявить непризнанных вкладчиков в авторскую концепцию, а также обратить внимание на феномен невидимых колледжей. Речь идет как раз не о скрывающих свои открытия ученых, а о тех тружениках науки, которые остались неизвестными по разным причинам.

Следующим принципом научного ethosа, учитываемого при подготовке к семинарскому занятию, является принцип **незаинтересованности**. Данный принцип хорош в контексте философии науки тем, что в рамках семинарских занятий необходимо постоянно помнить о том, что псевдонаука не выдерживает проверки на незаинтересованность, впрочем, как и философия, если в ней присутствует какой-либо другой интерес, чем установление истины.

В связи с этим Р. Мертон хлестко отмечает: «Превознесение кумиров, неформальные клики, многочисленные, но тривиальные публикации – эти и другие методы могут использоваться для самовозвеличивания. Но если говорить в целом, необоснованные претензии оказываются ничтожными и неэффективными. Перевод нормы незаинтересованности в практику действительно поддерживается конечной ответственностью ученых перед своими коллегами. Предписания социализированного чувства и практической целесообразности в значительной степени совпадают, и эта ситуация благоприятствует институциональной стабильности» [9, с. 779].

Поэтому при подготовке к семинарскому занятию следует учитывать, что фактор незаинтересованности в философии науки может быть реализован как философская технология, действие которой направлено как раз на преодоление институциональных патологий научного сообщества. В работе над текстами научных статей, монографий или тезисов с позиции философии необходимо устранять то, что в них может присутствовать в качестве скрытого контекста. Иными словами, при изучении материала следует задать в первую очередь вопрос о присутствии в научном труде настоящей незаинтересованности в

полном объеме. При этом следует исходить из того положения Р. Мертона, которое заключается в следующем принципе: «Ученый не сталкивается *vis-a-vis* со своей обывательской клиентурой, как, например, врач или юрист. Возможность эксплуатации доверчивости, невежества и зависимости обывателя тем самым значительно уменьшается. Обман, махинации и безответственные претензии (шарлатанство) даже менее вероятны, чем в «обслуживающих» профессиях. Стимулы к уклонению от соблюдения нравов науки развиваются в той мере, в какой отношение «ученый–обыватель» становится главенствующим. Когда структура контроля, осуществляемого квалифицированными коллегами, оказывается неэффективной, вступают в игру злоупотребление экспертной властью и создание псевдонаук» [9, с. 775].

Иначе говоря, необходимо избавляться от присутствия обывателя или чиновника и обозначать присутствие сообщества добросовестных тружеников науки. Формула итоговой истины должна гласить: ***«Наука, какая она есть, есть наука, какой она должна быть, иначе ее просто нет».***

Наконец, последний принцип научного этоса и будет обозначен нам вслед за Р. Мертом как принцип ***организованного скептицизма***. Его суть заключается в том, что в науке позитивистского толка есть твердая убежденность в том, что пока нет убедительных фактов, то любое теоретическое положение выступает в качестве сомнительного. Однако философия науки в данном случае полагает, что необходимо разделять факты жизни и факты науки с одной стороны, и социальные факты, и властный произвол – с другой. Суть этого разделения именно в том, что зачастую противоречие фактам естественнонаучной или позитивистской картины мира давало объяснение более истинное тем феноменам, которые не заслуживали внимания со стороны научного сообщества, стоящего на позициях позитивизма. Более того, в философии науки, с одной стороны, допускается любое мышление, даже мифологическое, а с другой стороны, именно она подвергает скепсису ту позицию, что факты науки есть истина в последней инстанции.

Вот как всесилие научных фактов опровергается В. Н. Порусом в контексте анализа философии науки К. Поппера: «Раньше многих Поппер понял и признал так называемую "теоретическую нагруженность" фактов, то есть их зависимость от теоретического знания, позволяющего не только отбирать те наблюдения, которые в своей совокупности дают описания "фактов", но и истолковывать их именно как данные факты, а не что-то иное. Поэтому было бы правильно говорить о "фактах" как об определенных следствиях из принятого корпуса теоретического знания. Но тогда получается, что в споре фактов и теоретических гипотез на самом деле на стороне фактов выступают иные теории, сами по себе также нуждающиеся в эмпирической проверке. И, следовательно, не факты судят теорию, а одни теории судят другие, то есть имеет место спор различных догадок и гипотез. Таким образом, все научное знание имеет предположительный (гипотетический) характер» [10].

В контексте подготовки к семинарскому занятию следует обратить внимание на выражение смысла принципа организованного скепсиса и

попытаться его применить уже к тому материалу, который выбран в качестве опорного.

Применение данного принципа, по Р. Мертону, должно выглядеть так: «Подвешивание суждения до тех пор, пока «на руках не окажутся факты», и отстраненное исследование мнений, внушающих веру, под углом зрения эмпирических и логических критерииев периодически вовлекало науку в конфликт с другими институтами. Наука, которая вопрошаєт о фактах, в том числе и потенциальных фактах, касающихся каждого аспекта природы и общества, может вступать в конфликт с другими установками в отношении тех же самых данных, кристаллизованными и зачастую ритуализованными другими институтами» [9, с. 780].

Четвертый аспект подготовки к семинарскому занятию по истории и философии науки может быть обозначен, как **«Диалог науки с историей и философией науки»**. Данный диалог может быть построен с двух позиций. Первая позиция **«Научное знание задает вопросы философскому познанию»**. Вторая позиция, наоборот, **«Философское незнание задает вопросы научному знанию»**. Если в первом случае истины науки проверяются на причастность или непричастность философского познания к их установлению, то во втором случае философия начинает с того, что заставляет науку объяснить, почему на многие вопросы в своем собственном труде она не давала ответ или не ставила их, а зачастую отмахивалась от них. Здесь важно учесть, что наука гордится тем, что она знает, а философия как раз начинается с признания незнания отправной точкой философского постижения мира.

При этом следует помнить о том, что все происходящее «в философии (кстати, не только в нашей отечественной), не вызывает веселья. Не в различии модусов философствования я усматриваю действительную проблему, а в том, что философия, изменяя своему предназначению и потому утрачивая свою культурную роль, испытывает чувства, напоминающие психологический комплекс неполноценности, что и подвигает ее представителей принимать странные позы и надевать маски, чтобы хоть так приспособиться к действительности» [10, с.74].

Поэтому вопросы со стороны науки должны задаваться философией столь принципиально, сколь и продуманно. Не стоит упрекать философию в том, что она не соответствует критериям истинной научности, но стоит упрекать псевдофилософию в том, что она стремится стать научнее самой науки. Поэтому необходимо установить сначала критерии философского познания, чтобы вопросы со стороны науки были адекватны и перспективны. Если дело касается причастности или непричастности философии к научному познанию, то не стоит рассматривать последнее как более высшую форму познания, чем философию. Философия — это другая точка зрения на бытие, она видит и то, что было до вмешательства бесцеремонной науки, и что будет после того, как это вмешательство закончится. Поэтому если она не причастна к научной истине, то истины в общем-то и нет, хотя эта псевдоистина так добивается причастности философии, что готова на сотрудничество с псевдофилософией.

Поэтому необходимо все-таки различать истинно научное познание в контексте истинной философии науки.

Если же взять за основу вопросы со стороны философского незнания к науке, то тут в первую очередь необходимо сосредоточить внимание молодого исследователя на том, что философия задает вопросы науке как раз тогда, когда та ушла от созидания культуры в чистую цивилизацию и стремится отгородиться и от последней некой иллюзией чистоты. «Наука теряет органическую связь с главными культурообразующими смыслами, подменяя "безграничность познания" всеохватностью (для чего имеется и удобное оправдание, стократ, казалось бы, подтвержденное практикой: никогда нельзя заранее знать, к каким практическим пользам может вести даже самое отвлеченное исследование) и охраняя пространство своей работы от некомпетентного и агрессивного вмешательства прочными стенами почти уже эзотерической рациональности и постулатами о величайшей ценности "свободного и суверенного" научно-исследовательского труда, об органическом единстве всех и всяческих частей и элементов своей грандиозной системы», – отмечает В. Н. Порус [11].

Наконец, пятый аспект подготовки к семинарскому занятию можно обозначить, как **«Установка границ познания через границы языка»**. Данный аспект выражен как перефразирование выражения Л. Витгенштейна, полагавшего, что «Границы моего сознания очерчены моим языком».

При подготовке к семинарскому занятию необходимо помнить, что в истории и философии науки представлены сразу три языка, обыденный язык, язык философии и язык науки. При этом важно помнить о том, что язык философии и обыденный язык не являются чем-то взаимоисключающим. Они по сути одно и то же. Только язык философии сосредоточен более на слове, способном дать мысли высказаться, в то время как в обыденном языке она уже высказана, но в контексте обыденности не представлена в чистом виде. Однако философия не стремится к тому, чтобы высказать что-то противоречащее обыденности при помощи концептов, она выявляет в обыденном языке эти концепты.

Как справедливо отмечает Е. И. Тарутина, «общность философского и обыденного знания проявляется и в известной близости философского и обыденного языков. Язык философии в целом ближе к живому, естественному языку, чем язык специальных наук. Как известно, философские категории формируются в ходе развития культуры и воплощаются в структурах обыденного языка. Философия эксплицирует, систематизирует, углубляет смысл своих понятий, но не устраниет их общий, обыденный смысл» [14, с. 14].

Для работы с языком философии необходимо помнить несколько принципов. **Первый** высказан в книге «Язык философии» В. В. Бибихиным, утверждавшим, что для освоения языка философии необходимо помнить о том, что «Мысль, если она мысль, с самого начала уже есть то, чем оказывается в своем существе слово: она имеет смысл. Мысль поэтому всегда хранит исключительное отношение к слову. Философия несет в себе язык. Сочетание язык философии должно поэтому звучать примерно, как свечение света» [2, с.8].

Второй принцип, состоящий из нескольких принципов, мы встретим у Ф. И. Гиренка в его книге «Удовольствие мыслить иначе». Ф. И. Гиренок настаивает на том, что для освоения языка философии необходимо произвести картографию дословности. Для этого, по мнению Ф. И. Гиренка следует придерживаться следующих принципов: «Во-первых, это принцип минимализма. Суть его такова: минимум слов и максимум смысла. Во-вторых, это отказ от понятийного, эссециалистского языка. Понятийный язык требует множества определений. Но определить — значит ограничить, утратить оттенки, упростить. Я же хочу работать с неустоявшимися смыслами, зыбкими значениями. В-третьих, я хочу говорить не на языке терминов, а на русском живом языке. Если же у меня и встречаются какие-то термины, то это значит, что я хочу придать им новый смысл. Особенно интересно делать прививки смысла расхожим терминам европейской философии. Чтобы они прижились на новой почве, нужно сделать так, чтобы они забыли свою родину. В-четвертых, я не считаю локальное поле европейской мысли универсальным» [3, с.3].

Третьим принципом следует полагать принцип о том, что научный язык сегодня наиболее плюралистичен, а научный дискурс обладает самоорганизацией с целью обнаружения синергийного порядка действительности. Поэтому необходимо понимать, что язык науки имеет свои устоявшиеся термины, которые в условиях смены парадигмы начинают сдавать позиции. Здесь изобретаются либо новые понятия, либо заимствуются из других наук, и им прививается новый смысл. Для того, чтобы язык науки не утонул в неологизмах, философия науки вопрошают о смысле того или иного понятия или элемента научной картины бытия. Если этого не делать, то уход в башню из слоновой кости неминуем, а еще больше неминуем соблазн осознания своей исключительности и избранности. Философия науки стремится к тому, чтобы язык науки вырабатывал культуру мысли, так же, как и культуру презентации научной картины мира.

Сегодняшнее состояние языка науки в соотношении с языком философии науки интересно обрисовал В. Л. Иванеско: «Речевая практика научного общения, язык дискурса отвечает также и за «выявляющее обнаружение», за переход и выход чего бы то ни было из несуществующего к присутствию. Язык дискурса, существуя в пространстве пограничной зоны в режиме высказанного и невысказанного, выступает как порождающее начало (причина) творчества. Он в ответе за произведение, за «выявляющее обнаружение» нового. Если исходить из сложившейся ситуации в современной философии и практике языка, научный язык, язык научного дискурса не может более быть отлучен от осознания тех процессов, которые происходят при самоорганизации языка, когда он попадает в зону пограничного режима и начинает заниматься творческой работой по ее переустройству» [5, с. 14].

Для того, чтобы это выразилось в конкретном методическом действии необходимо в конспекте подготовки к семинару или в отдельной тетради вести словарь или глоссарий важнейших понятий философии науки с указанием того, как они соотносятся скажем с понятиями философии и юридической науки.

Работа над словарем должна содержать очень многие моменты критического разбора словаря философии науки и словаря самой науки.

Следует обратить внимание на следующее определение языка науки: «Язык науки – специфическое знаковое образование, являющееся средством и способом существования научного мышления, детерминированного как объектом исследования, так и совокупностью практических связей, в которую включен любой объект анализа. Язык науки создан для решения специальных задач науки и приспособлен для описания определенной предметной области, а также служит эффективным средством мышления в границах этой области. Он предназначен прежде всего для однозначного выражения как результатов научного познания (средство материального выражения и способ его существования), так и самой научно-познавательной деятельности (в языке науки в конечном счете закрепляются алгоритмы практических и познавательных действий)» [7, с. 35].

Подводя итоги нашего методического разбора заметим, что подготовка к семинарскому занятию по истории и философии науки предусматривает несколько видов работы и несколько этапов. Подготовка к семинару предполагает ее начало уже на лекции. В процессе проведения лекции преподаватель чаще всего употребляет фразы: **«Обратите внимание»**, **«Об этом более подробно поговорим на семинаре»**, **«Это вопрос более глубже следует проработать самостоятельно»**. Смысл этих фраз обучающемуся нельзя оставлять без внимания и в тексте лекции ему следует оставить отметки на тех эпизодах, которые были обозначены в ее ходе.

В процессе лекции у обучающихся также может возникнуть интерес к некоторым проблемам и вопросам. Исходя из этого интереса, необходимо подумать о сообщении или докладе на семинаре и сделать отметку в конспекте лекции. После завершения лекционного занятия можно уточнить ряд вопросов по подготовке к семинару.

Наряду с этим рекомендуется посетить консультацию преподавателя, чтобы обозначить еще более точно смысл вашей подготовки к семинару. Следует заметить, что консультация преподавателя является наиболее мощным мотиватором для изучения философии науки. Ведь здесь осуществляется межличностное общение, диалог как форма философского постижения реальности. В ходе консультации не следует бояться ставить даже самые «безумные» вопросы. Именно такие вопросы начинают акт философствования. Подготовка к консультации начинается с перечитывания материала лекции и возвращения к тем вопросам, которые остались неясными.

Самостоятельную подготовку к семинару следует начинать с ознакомления с планом семинарского занятия и выбора вопросов, вызывающих наибольшую заинтересованность. Именно эти вопросы и следует обозначить как основу для написания доклада или сообщения, а также для дальнейшей подготовки реферата, если интерес к проблеме не угас, а разгорелся.

Вопросы, не заслужившие столь пристального внимания со стороны обучающихся, необходимо просто законспектировать или изобразить схемой. Можно также сделать в форме глоссария ключевых терминов, которые либо

уже представлены в плане семинарского занятия, либо выявлены в ходе работы над текстами. Для глоссария использовать философские словари.

3. Как преподавать философию науки в ВУЗе?

Философию науки следует преподавать также, как и философию, а именно в форме свободной эссеистики. Наряду с этим следует предположить, что для освоения философии науки нужны проблемные лекции и опорные тексты для анализа философского дискурса науки.

Из имен философии науки следует выбрать имена *Дильтея, Виндельбанда, Риккерта, Вебера, Хайдеггера, Гадамера, Витгенштейна, Лакатоса, Куна, Поппера, Башляра, Фуко, Петрова, Степина, Гиренка, Никифорова, Поруса.*

Тексты следует начинать читать и интерпретировать с учетом рекомендаций чтения философских текстов, предложенных Ф.И. Гиренком (Смотри в приложении).

Например, у Хайдеггера взять «Время картины мира». У Вебера «Наука, как призвание и профессия». Кун немыслим без «Структуры научных революций». Лакатос может быть представлен работой «История науки и ее рациональные реконструкции». Поппер важен своими текстами, освобождающими науку от идеологического прессинга, например, «Нищета историцизма».

Тексты читать внимательно с учетом того, что предубеждения в отношении философии и науки уже есть и догматика юридического мышления уже законсервировала часть мышления. Поэтому удовольствие от мышления иначе приходит тогда, когда время останавливается, а текст начинает говорить с нами на одном языке, отвечая на наши вопросы.

В семинарах можно совместно смотреть и обсуждать фильмы об ученых, скажем «Игры разума» или «Игры разумов», фильмы о юридической практике, например, «Двенадцать». Можно рассматривать и анализировать произведения искусства и литературы с целью обнаружения в них научных перспектив или объяснений.

Экзамен кандидатского минимума проводить в форме свободной беседы по прочитанным текстам или по принципу «Удиви меня».

Принцип «Удиви меня» заключается в том, что адъюнкт находит в изученных текстах лекций, монографий, статей, философских эссе позиции, с которыми он категорически не согласен и пишет критический текст в форме статьи, реферата или философского эссе. Этот текст он защищает на экзамене перед комиссией.

РАЗДЕЛ 2. ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Основные этапы философии науки.

Семинарское занятие 1.1. Постпозитивизм: "Большая четверка"

Глоссарий (терминология)

Позитивизм, позитивное знание, понимание, объяснение, структура, эмпириокритицизм, неопозитивизм, постпозитивизм, верификация, фальсификация, парадигма, методологический анархизм.

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Первый позитивизм.
2. Эмпириокритицизм.
3. Неопозитивизм.
4. Постпозитивизм.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Социокультурный контекст появления позитивизма.
2. Принцип "экономии мышления" в эмпириокритицизме.
3. Философия Л. Витгенштейна и неопозитивизм.
4. Методологический анархизм: Пол Фейерабенд.

Тема 2. Научное познание в социокультурном измерении

Семинарское занятие 2.1. Научное познание в обществе постмодерна

Глоссарий (терминология)

Техногенная цивилизация, традиционная цивилизация, научное познание, обыденное познание, генезис научного познания, пред-наука, квазинаука, лженаука, научное сообщество.

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Место и роль науки в культуре техногенной цивилизации.
2. Традиционные и техногенные цивилизации.
3. Глобальные кризисы и проблема ценности научно-технического прогресса.
4. Специфика научного познания.
5. Главные отличительные признаки науки.
6. Научное и обыденное познание.
7. Генезис научного познания.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Социокультурное развитие науки: интернализм и экстернализм.
2. Концепция Р. Мертона. Выявление социальных условий производства знаний.
3. Концепция П. Бурдье: наука как поле символического производства.
4. Социокультурная динамика и наука в концепции П. Сорокина.

Тема 3. Структура научного познания

Семинарское занятие 3.1. Философские основания науки

Глоссарий (терминология)

Наблюдение, постпозитивизм, герменевтика, объяснение, понимание, науки о природе, науки о культуре

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Основания науки.
2. Нормы и идеалы научной деятельности
3. Философия в науке: проблема оснований.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Верификация и фальсификация научного знания.
2. Рациональные реконструкции истории науки.
3. Научные революции и смена типов научной рациональности.
4. Классический и неклассический идеалы рациональности.

Тема 4. Философия и наука

Семинарское занятие 4.1. Философия и наука: рефлексия отношений

Глоссарий (терминология)

Рефлексия, дискурс, трансцендентализм, позитивизм, антиинтеракционизм, диалектика

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Философия как рефлексия над основаниями культуры.
2. Прогностические функции философского знания.
3. Наука и философия.
4. Наука и искусство.
5. Функции науки в жизни общества (наука как мировоззрение, как производительная и социальная сила).

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Трансценденталистская концепция взаимосвязи философии и науки.
2. Сущность позитивистской концепции соотношения философии и науки.
3. Антиинтеракционистская концепция и ее сущность.
4. Диалектическая концепция взаимосвязи философии и науки.

Тема 5. Динамика научного исследования

Семинарское занятие 5.1. Парадигмальные образцы решения задач

Глоссарий (терминология)

Универсальный эволюционизм, синергетическая парадигма, классическая рациональность, неклассическая рациональность

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Универсальный эволюционизм - основа современной научной картины мира.
2. Рациональность в современной культуре.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Динамика научного знания.
2. Проблема роста знания в концепции К. Поппера.
3. Процесс развития знания в концепциях Т. Куна и И. Лакатоса
4. Особенности модели роста знания в концепции П. Фейерабенда.
5. Кумулятивизм и антикумулятивизм.

Тема 6. Научные революции и смена типов научной рациональности

Семинарское занятие 6.1. Феномен научных революций

Глоссарий (терминология)

Научная революция, парадигма, наррадигма, научная рациональность, тип рациональности, классическая наука, пост неклассическая наука, научное сообщество

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Феномен научных революций.
2. Внутридисциплинарные революции.
3. Парадоксы и проблемные ситуации как предпосылки научной революции.
4. Глобальные научные революции как изменение типа рациональности.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Научные традиции и их многообразие.

2. Понимание научных революций как перестройки оснований науки.
3. Рациональность в античной философии.
4. Первая научная революция и ее влияние на формирование научного типа рациональности.
5. Изменения в типе рациональности в ходе второй научной революции.
6. Воздействие третьей научной революции на формирование нового типа рациональности.
7. Элементы античной рациональности в ходе четвертой научной революции.

Тема 7. Стратегия научного исследования в эпоху постнеклассической науки

Практическое занятие 7.1. Типы научной рациональности

Цели занятия:

1. Познавательные: адъюнкты должны знать типы научной рациональности.
2. Развивающие: адъюнкты должны уметь логически мыслить, анализировать, систематизировать, обобщать, критически осмысливать информацию.

Глоссарий (терминология)

Наблюдение, постпозитивизм, герменевтика, объяснение, понимание, науки о природе, науки о культуре

Вопросы для рассмотрения на семинарском занятии:

1. Идеалы рациональности.
2. Классический тип и идеал рациональности.
3. Классический и неклассический идеалы рациональности.

Примерные темы докладов, сообщений, рефератов

1. Верификация и фальсификация научного знания.
2. Рациональные реконструкции истории науки.
3. Научные революции и смена типов научной рациональности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.
2. Бибихин, В. В. Язык философии. – 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
3. Гиренок, Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М. : Академический Проект, 2008. 235 с.
4. Гиренок, Ф. И. Фигуры и складки. М. : Академический Проект, 2014, 244 с.
5. Иванеско, В. Л. Язык философии науки // Гуманитарные и социально-экономические науки : научный журнал. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2006. № 4, С. 12–18.
6. Кант, И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. 712 с.
7. Ким, В. В., Блажевич, Н. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. 214 с.
8. Лосев, А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.
9. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873, 7 с.
10. Порус, В. Н. Имитация философии как симптом комплекса неполноценности // Эпистемология и философия науки : научный журнал. Москва : Институт философии РАН. 2007 г. Т. XI, № 1. С. 71–74.
11. Порус, В. Н. Рациональность, Наука, Культура // Электронная библиотека : сайт. URL: https://royallib.com/read/porus_v/ratsionalnost_nauka_kultura.html#0 (дата обращения: 14.02.2022). Режим доступа: свободный.
12. Рассел, Б. История западной философии : в двух книгах. Книга 1. М. : Миф, 1993. 512 с.
13. Степин, В. С. История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М. : Академический Проект; Трикста, 2011. 423 с.
14. Тарутина, Е. И. Идеологические концепты, здравый смысл и философская рефлексия // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки : научный журнал. Благовещенск : Амурский государственный университет. 2016. № 72. С. 11–15.
15. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.
16. Щедровицкий, Г. П. Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления // Электронная библиотека : сайт. URL: https://royallib.com/read/shchedrovitskiy_georgiy/putevoditel_po_metodologii_organizatsii_rukovodstva_i_upravleniya.html#32791 (дата обращения: 14.02.2022). Режим доступа: свободный.
17. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Ф. И. Гиренок. Как следует читать философский текст?

Философия – это еще и тексты. А их нет времени читать сплошь. Поэтому необходимо учиться читать философские тексты как их читают философы. Одним из таких наставлений является часть введения из книги Ф. И. Гиренка «Фигуры и складки», которая называется «Как я пишу и как я читаю». Заметим, что мы представляем лишь наиболее потрясающие воображение фрагменты его рассуждений, иногда цитируя, а иногда опуская кавычки. Все это сделано для того, чтобы сама красота его методики работы над текстом не пропала.

Любой философский текст – это непонимаемый набор слов обыденного человеческого языка, и многие люди пытаются применить их к написанному. Философ пользуется теми же словами, что и его эпоха, теми же лингвистическими конструкциями, другого языка просто нет. Однако вся терминология представляет из себя сжатые символы, различные не только в разнообразных исторических эпохах, но и в различных философских системах одного времени.

Вот перед нами философский текст. Все, что не задерживает наше внимание в нем, следует пропустить. Все, что задерживает, необходимо конспектировать. В философском тексте, по мнению Ф. И. Гиренка, «задерживает либо восхищение, либо воспоминания». Восхищаясь, следует писать вариации понимания на тему до тех пор, пока не исчерпана наша фантазия.

Если в тексте имеются непонятные слова, то необходимо составить «таблицу непонимания» (Ф. И. Гиренок) и затем в этом же тексте попытаться найти фразу, которая ведет к пониманию непонятого. Эта фраза для меня, как смысловое окно, в которое я подсматриваю за тем, кто меня.

Если же не удалось найти в тексте такой плодотворной фразы, то тогда остается одно из двух: либо объявить текст непонятым и бросить его, либо попытаться самому создать новую фразу. В последнем случае я испытываю текст на прочность, на сопротивляемость.

Читая текст, нужно отклоняться от обаяния текста и перестать обращать внимание на то, что автор считает главным, и обратить внимание на то, что он считает второстепенным. Вот среди этого второстепенного, на границе текста, там, где субъект перестает быть субъектом, следует искать то, что может изменить смысл текста. «Свою точку зрения я нахожу в тексте, который читаю». В нем следует обратить внимание на те аспекты, на которые автор не обращает внимания. Когда начинаешь читать философский текст, нужно избегать любой предзаданной позиции.

Нужно определить все понятия, используемые в тексте.

Первым делом выписываем все термины, используемые в тексте, и разбираем заложенные смыслы. И здесь первый подводный камень. Очень часто люди пытаются тупо заучить, не утруждаясь с разбирательством

смыслов. Философия – это не сложение одной истины с другой, это каждый раз новый мир, и все заученные ранее слова не имеют никакого смысла. Именно поэтому главное – это понимание терминов.

Хорошим способом понимания и запоминания философских терминов является их превращение в графическое изображение или картинку.

«Когда Мамардашвили читает Канта, он страшно далек от профессии историка. Для него Кант — это не текст, а набор метафор, универсальная индивидуальность. Если Делез пересказывает Лейбница, то не потому, что он историк философии. Он философ, то есть пионер-мичуринец, человек, который делает прививки одного смысла другому, заставляя Лейбница говорить не то, что он сказал, а то, что подумалось Делезу. Делез приводит в движение Лейбница, оживляет его, заставляя его быть в качестве суррогатной матери своих идей. И мы слышим живой, а не могильный голос Лейбница. Когда же Лейбница читает Курно Фишер, он создает из него кладбище мыслей. Мы слышим голос только Фишера. Лейбниц молчит» [3, с. 17–18].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ф. И. Гиренок. Как следовало бы преподавать философию в ВУЗах

1. Зачем студентам философия?

На мой взгляд, философия – это не просто наука. Вернее, это, может быть, совсем не наука. Философия – это как форточка в душной комнате. Она для того, чтобы мы не задохнулись, чтобы получили чистоту свежего воздуха. Философия – это окно в мир иного, свидетельство существования мысли, духовной реальности.

Зачем студенту свежий воздух? Чтобы быть здоровым, а не больным.

Отстранение от философии является болезнью.

2. Философию нужно преподавать в школе.

Философию следует преподавать уже в школе. Ведь что преподают сегодня в школе? Какое-то обществознание. Что такое обществознание? Вот пример. Все, что мы знаем о зонтиках, называется зонтиковедением. А все, что мы знаем об обществе, называется обществоведением. И то, и другое – это не наука. Это разговор ни о чем. Немного права, чуть-чуть экономики, добавим что-то из философии, и получилась жуткая смесь.

Итак, философию надо преподавать уже в школе. Но как ее преподавать?

3. Как философию преподавать в школе?

Философию преподавать в школе нужно так же, как ее преподавали в 19 веке в гимназиях Германии. Например, Гегелю нужно было объяснить гимназистам, что такое религия, с философской точки зрения. И он говорил примерно так: господа гимназисты, религия предполагает два условия. Первое – это когда ваши чувства и мысли заполняет абсолют. Второе – это когда вы отвергаете себя во имя абсолюта. Вот тогда вы имеете дело с религией. Иными

словами, в ясной, сжатой форме Гегель излагал ту же самую философию, а не ее какой-то эрзац. Не обществознание.

4. Как преподавать философию в ВУЗе?

На мой взгляд, сначала нужно прочитать несколько обзорных лекций (4–5). Потом занятия проводить как семинары. Нужно выбрать из мировой философии 6–7 имен, ибо неименованной философии не бывает. *Например, взять Платона, Декарта, Канта, Гуссерля, Фуко и Флоренского, приplusplusовать к ним Лао-Цзы и начинать их читать и интерпретировать.*

Например, у Платона взять «Законы», «Государство», «Пир», «Федр» и «Парменид» и разбирать их на семинарах. У Декарта стоит взять тексты, в которых анализируются две модели: «человек – единое существо» и «человек – пловец в лодке». У Канта – «Критика практического разума», у Гуссерля – «Трансцендентальная философия и европейское человечество», у Фуко – «История безумия в классическую эпоху», у Флоренского – «Философия культа».

При чтении и анализе никуда не спешить, ибо мозги у всех у нас «ржавые», и их надо тренировать, чистить. Равно как философия очень скоро может стать тем органом, которым ты испытываешь мир и себя.

Я бы сопровождал философские семинары еще и совместным прослушиванием специально подобранный музыки, совместным просмотром фильмов, картин и т.д.

5. Экзамены и зачеты

Экзамены и зачеты должны проводиться в виде беседы по работам обсуждаемых философов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Опорные схемы по курсу «История и философия науки»¹

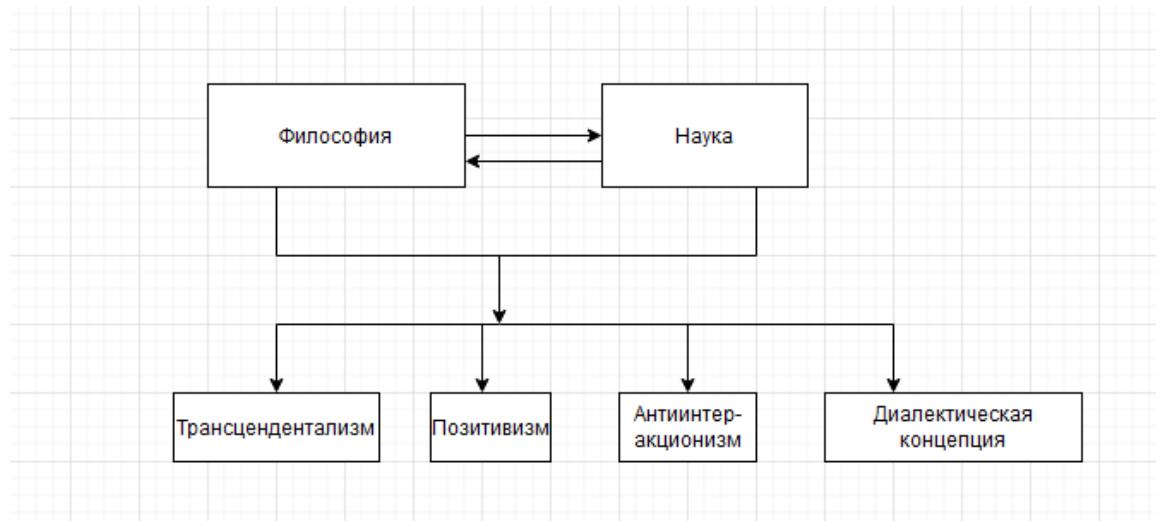

Рисунок 1.1. Основные концепции взаимосвязи философии и науки

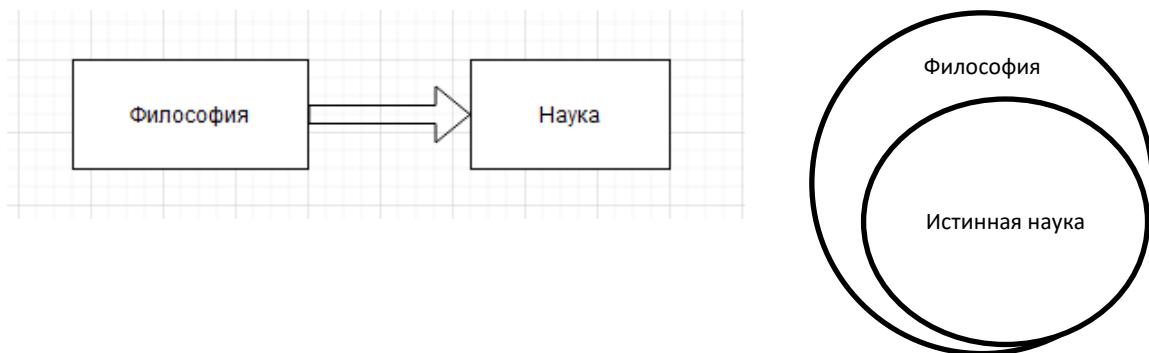

Рисунок 1.2. Трансценденталистская концепция взаимосвязи философии и науки

¹ Лебедев, С. А. Современная философия науки. Дидактические схемы и словарь : учебное пособие. М. : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : НПО "МОДЭК", 2010. 379 с.

Рисунок 1.3. Позитивистская концепция взаимосвязи философии и науки

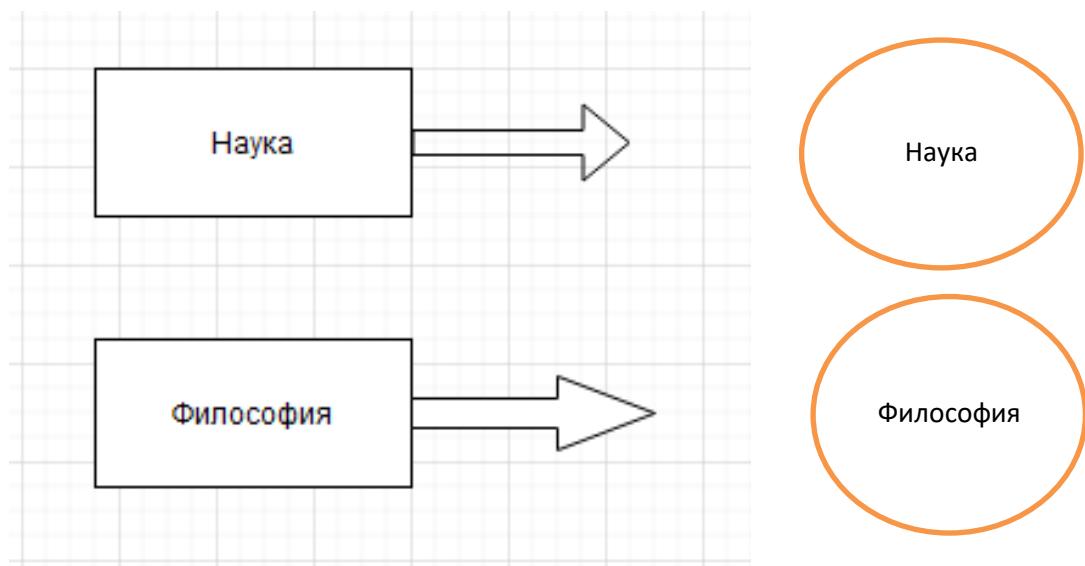

Рисунок 1.4. Антиинтеракционистская концепция соотношения философии и науки

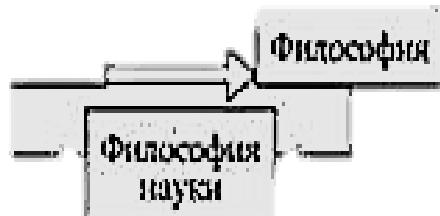

Рисунок 1.5. Диалектическая концепция соотношения философии и науки

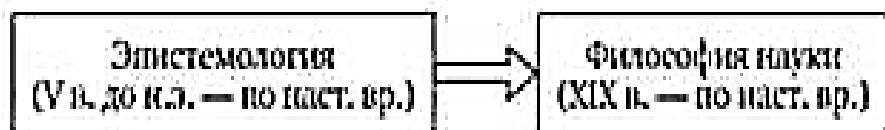

Рисунок 1.6. Основные исторические этапы становления современной науки

Рисунок 1.7. Соотношение эпистемологии, философии науки и гносеологии

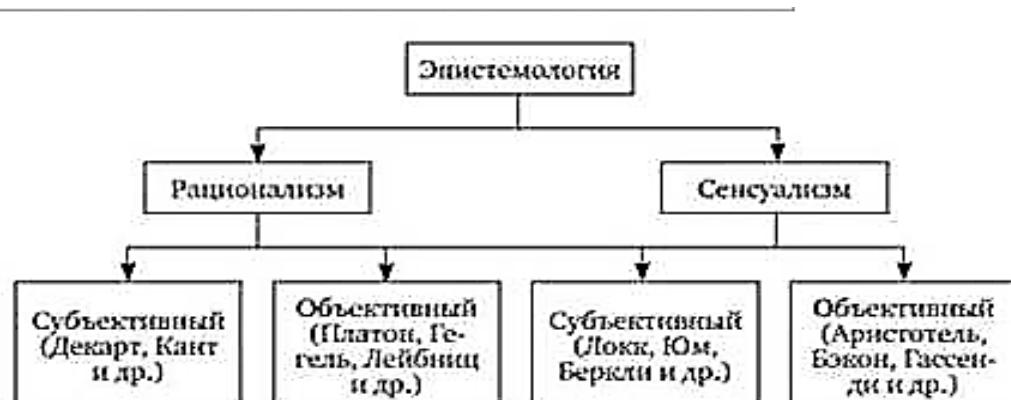

Рисунок 1.8. Основные направления эпистемологии

Рисунок 1.9. Главные этапы развития философии науки

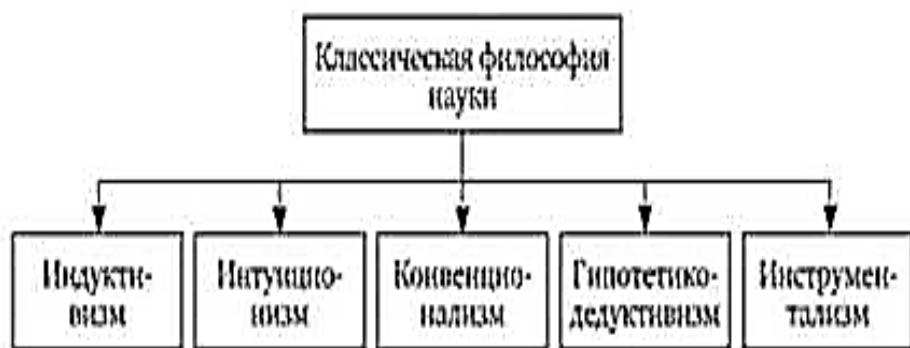

Рисунок 1.10. Основные концепции классической философии науки

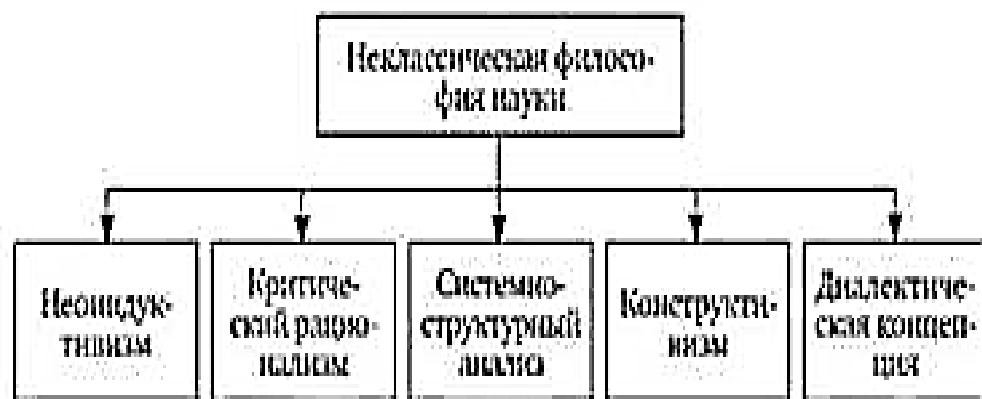

Рисунок 1.11. Основные концепции неклассической философии науки

Учебное издание

Бобков Александр Иванович

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ
ДЛЯ АДЬЮНКТОВ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

Учебно-методическое пособие

Редактор
Л. Ю. Ковальская

Подписано в печать 21.10.2022 .
Усл. печ. л. 2,0

Тираж 50 экз.

Формат 60 x 84/16
Заказ № 81.

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Отпечатано в НИиРИО Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.